

Об обнадёживающих направлениях исследования предполагаемого древнего генетического родства туркменского, калмыцкого и корейского языков. (статья первая)

Мурадгелди Соегов, Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан, msoyegov@gmail.com

Ключевые слова: алтайская языковая семья, фольклор и история народа, тюркские (туркменский) и монгольские (калмыцкий) группы языков и корейский язык

Key words: Altaic family of languages, folklore and history of the people, Turkic (Turkmen) and Mongol (Kalmyk) language groups and Korean

Настоящая работа состоит из трех частей, в первой из которых приводятся и анализируются тексты отдельных корейских и туркменских сказок с целью выявления присущих им общих сюжетов. Вторая и третья ее части посвящены сравнительному изучению исторического и лингвистического материала, относящегося к носителям калмыцкого и туркменского языков. Во всех трех частях работы преследуется единая цель – с позиций существующей теории алтайской языковой семьи освещать возможные новые аспекты и анализировать некоторые материалы, которые относятся к «далеким» друг от друга алтайским языкам, и не рассмотренные ранее всерьез не только специалистами-алтаистами, но и также «анти-алтаистами» для подтверждения или отрицания существующей теории. Данная статья состоит из первой части работы, предлагаемой на суть читателя.

I

Впервые с проблемой о дальнем родстве корейского языка с тюркскими языками автор настоящих строк сталкивался в прямом смысле этого слова и был охвачен горением ею в годы учебы в аспирантуре Института языка и литературы им. Махтумкули АН Туркменистана во второй половине семидесятых годов прошлого столетия, а именно во время научной командировки в г. Москве, занимаясь в центральной государственной библиотеке и изучая вопросы истории русской тюркологии. Среди штудируемых мною тогда работ был и объединенный 15 – 17 выпуск 21-го тома 4-ой серии журнала «Известия АН СССР» за 1927 год, на страницах которого с особой заинтересованностью ознакомился со статьями известного востоковеда Е.Д. Поливанова (1891 – 1938), напечатанной под названием «К вопросу о родственных отношениях корейского и “алтайских” языков». Но в дальнейшем проведенным мною исследованиям суждено было развернуться в основном в пределах тюркологии, и непосредственно к указанной проблеме смог возвратиться лишь более тридцати лет спустя, в 2008 году, выпустив две краткие статьи популярного характера, хотя живой интерес к ней не угас у меня в течение всего прошедшего времени.

В настоящей работе мы исходим из постулата, согласно которому мифы в «чистом» виде, какими являются древнегреческие, в современном туркменском устном народном творчестве, как и в фольклоре многих других тюркских народов, не существуют. Они просто не сохранились до нового времени. Говоря образно, после своего бурного расцвета из-за последовавших за ним неблагоприятных условий вымерли, как это происходило с динозаврами Юрского периода. Основное содержание

отдельных древнетуркменских (тюркских) мифов кратко пересказано в хрониках истории китайских династий (например, о матери-волчице, родине Эргенеконе и др.). Более древние из них также впитывались Орхонскими памятниками: Узе кёк тенри асра йагыз йер кылынтукта экин ара киши оглы кылынмыш 'Когда было сотворено вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними было сотворены сыны человеческие'[См. Соегов 2007: 102, 104].

Туркменские (огузские) мифы со временем видоизменялись, их сюжеты послужили для появления новых сказок, преданий, притчей, отчасти и легенд. Отдельные из них почти в неузнаваемой форме вошли в эпосы «Гёроглы» и «Горкут Ата», а также другие народные дестаны. Например, одноименный главный герой эпоса «Гёроглы» ночью при свете звезд восстанавливается от ран, полученных днем в сражении. Эта явная черта героя-полубога древнего мифа.

Краткие отрывки из устных текстов широко распространенных мифов стали в последующем устойчивыми крылатыми словами в виде пословиц и поговорок, превращались в идиомы и другие виды фразеологизмов в современном туркменском языке. Под влиянием тем и основных идей мифов нередко происходило в прошлом расширение семантики слов, появились в них переносные значения. А в фольклоре после принятия ислама черты древних мифических героев, сохранившихся в народной памяти, перешли к образам мусульманских святых, обогатив их новыми, порою не свойственными им качествами.

Некоторые современные исследователи (В.Н. Басилов, А. Джикиев и др.), используя указанные выше «окаменевшие» следы мифов (подобные следы динозавров сохранились на Востоке Туркменистана), предприняли попытку, иногда успешную, по восстановлению текстов древних туркменских мифов. Также отметим, что на примере двух подобных, вновь восстановленных туркменских мифов о Буркуте, современнике пророка Моисея, нами ранее выполнена небольшая статья на турецком языке, которая была опубликована в 2007 году на страницах журнала «Tarih» («История»), издающегося в Стамбуле (Турция) [Söyegov 2007: 30–31].

Основной целью настоящей работы является ознакомить читателей с небольшой частью немалого количества сказок туркменского и корейского народов, имеющего почти идентичный сюжет, и тем самым, на основе сравнительного анализа сказочного эпоса этих народов, с позиций алтаистики подкрепить новыми фольклорными данными гипотезу о существовании дальнего родства между туркменским и корейским языками. Как пишет Вадим Пак в предисловии к сборнику русских переводов корейских сказок, изданному в 1991 году в Москве, многие корейские сказки несут на себе отпечаток древнейшей эпохи в истории возникновения корейского общества. В своеобразной форме, присущей только сказкам, они отразили образ мыслей первобытных людей, их наивные и подчас искаженные представления об окружающем мире, истоки обычаев и верований [См. Феи 1991. Цитируется по: Корейские]. Эти слова можно отнести и к туркменским сказкам, хотя сказковедение, как отрасль туркменской фольклористики, появился сравнительно недавно, примерно сто лет назад.

Началом научного изучения туркменской сказки в современном его понимании, очевидно, следует считать первую половину десятых годов прошлого столетия, когда один из крупных туркменоведов России в XX веке А.Н. Самойлович (в последующем академик АН СССР) в 1910 году включил в «Кауфманский сборник» трех туркменских сказок в своем переводе на русский язык, а в 1914 году сказку «Сорок небылиц» в такой же форме опубликовал на страницах «Живой старины». Знаменитым периодом в истории туркменского сказковедения, как и туркменской филологии, в целом, являются сороковые годы XX века, когда в 1942 году в эвакуированном в Ашхабад

(Туркменистан) МГУ им. М.В. Ломоносова, а также в следующих 1943 и 1944 годах в Одесском университете, который во время войны также находился в эвакуации в Туркменистане (г. Байрамалы), состоялись защиты первых кандидатских диссертаций туркменскими соискателями-филологами. В 1947 году М.А. Сакали (погибла во время ашхабадского землетрясения в 1948 г.) защитила свою кандидатскую диссертацию на тему «Туркменский сказочный эпос». Указанная работа М.А. Сакали в 1956 году была издана в Ашхабаде отдельной книгой (объем 154 стр.), в которой наряду с вопросами о многообразии туркменских сказочных сюжетов, условий их бытования и распространения, стилистических особенностях исследуются сказки о животных, волшебные (фантастические), бытовые (новеллистические) сказки, отражение в них народного быта и некоторые другие вопросы, связанные с туркменским сказочным эпосом [Сакали 1956]. Начиная с 1926 года, когда в Ашхабаде вышел из печати первый небольшой самостоятельный сборник туркменских сказок на арабской графике (составитель А.С. Алиев, который был еще и автором первого новометодного букваря туркменского языка, изданного в 1913 г.), по настоящее время выпущено немалое количество больших и малых по объему книг, включающих в себе туркменские сказки, как в оригинале, так и в переводе на русский язык. Наиболее солидным из них до сих пор является трехтомник «Туркмен халк эртекилери» (1978, 1979 и 1980 гг.), содержащий соответственно сказки о животных, волшебные и бытовые сказки. Каждый из этих томов снабжен просторными предисловиями, написанными доктором филологических наук, фольклористом Ш. Халмухаммедовым в соавторстве с кандидатом филологических наук, литературоведом Н. Атдаевым (ныне покойными).

Как отмечала М.А. Сакали еще в 1948 году [См. Сакали 1956: 107–154], немалая часть туркменских сказок была записана из уст таких сказителей – знатоков устного народного творчества, какими являются сказочница Огулгерек-эдже (мать писателя Ата Каушутова), туркменские «Гомеры», народные поэты Дурды Клыч (1886 – 1950) и Ата Салих (1908 – 1964). В настоящее время рукописи сказок, записанных в разные годы из уст сказителей в разных уголках республики, бережно хранятся в фондах Национального института рукописей Академии наук Туркменистана.

В указанных и некоторых других работах туркменских авторов, как и в большинстве исследований, выполненных по сказковедению в других странах, первичной родиной сказок принято считать древнюю Индию. Но даже предварительный сравнительный анализ туркменских и корейских сказок позволяет нам говорить об их возможной древней общности в пределах народов алтайской языковой семьи, куда, наряду с современными тюркскими, монгольскими, тунгусо-манчжурскими языками и древним японским языком, входят туркменский и корейский языки. Ибо туркменский и корейский народы (имеются в виду основное население Корейского полуострова) в обозримом прошлом не имели никаких прямых контактов для заимствования сказочных сюжетов. На основе материалов существующей литературы, в частности, работ Г.Й. Рамстетда и некоторых других алтаистов нами ранее был описан ряд лексических элементов, общих для туркменского и корейского, а также японского языков [Söyegov 2008 (I); Söyegov 2008 (II). См. еще Соегов 2012 (I): 85–90; Соегов 2012 (II): 49–51]. Теперь хотим непосредственно начать с личного опыта работы с одним туркменским сказочным текстом. Но для этого сначала ознакомимся с небольшой корейской сказкой, которая под названием «Муравей и голубь» включена в указанный выше сборник 1991 года:

Упал как-то муравей в воду. - Спасите, - кричит, - тону! Услыхал голубь и всполошился. Сорвал с дерева лист, муравью бросил. - Держись крепче, - говорит и тащит потихоньку на берег. Ухватился муравей за лист, насилу выполз на берег. Стал благодарить голубя: - Спасибо тебе, дядя голубь! Спас ты мне жизнь! Рад

голубь, что доброе дело сделал, и улетел к себе в горы. Сидит как-то голубь на дереве, а к дереву охотник подкрался, того и гляди выстрелит из ружья. Увидел это муравей, подполз к охотнику, в ногу его укусил. Завопил охотник от боли. Смотрит голубь - у дерева охотник с ружьем. Взлетел голубь и говорит муравью: - Спасибо тебе, спас ты меня от верной смерти!.. Так за добро муравей голубю добром отплатил [См. Фея 1991. Цитируется по: Корейские].

Этот текст полностью, почти слово в слово совпадает с текстом (если перевести его на русский язык) аналогичной сказки с тем же названием («Муравей и голубь») из первого тома сборника «Туркменские народные сказки», изданного в 1978 году [См. Гарынжа 1978: 159]. Когда, в 1993 году автор этих строк с методистом Н. Реджеповым приступил к составлению школьного «Букваря» для первого класса на основе официально принятого тогда нового туркменского алфавита на латинской графической основе, вообще не имел представление о подобном совпадении этих двух сказок. О нем я узнал лишь в ходе работы над настоящей статьей. А тогда нами данная туркменская сказка в изложении рисунками (без текста) была отображена сперва в до букварном разделе нашего учебника, а затем, второй раз, уже ее текст в несколько упрощенном варианте также с некоторыми рисунками проводился в его после букварной части [См. Garynja 1995: 15–18, 102–103]. С 1995 года наш «Букварь» служит основным учебником в первых классах во всех школ Туркменистана и выдержал несколько изданий, неоднократно перерабатывался и дополнялся, но сказка «Муравей и голубь» всегда оставалась без изменения. Конечно, на основе одного единственного примера, пусть он будет даже очень показательным и ярким, не следует делать каких либо выводов и обобщений. Поэтому нам еще раз следует обратиться к сказкам о животных у обоих народов. К примеру, возьмем сюжет корейской сказки «Хитрая лиса»:

Позарилась однажды хитрая лиса на рисовую кашу да курочку, в яму глубокую и угодила. А выбраться не может. Думала лиса, так и придется в яме подыхать. Вдруг видит - медведь глупый мимо идет. Обрадовалась лиса и говорит сладким голосом: - Послушай, медведь, я здесь кашу нашла да курицу, наелась, а выбраться не могу. Спускайся в яму, доешь кашу и курочку, после мне спину подставишь, я вылезу и тебе выбраться помогу. Медведь, не долго думая бух в яму, полакомился курочкой и лисе свою спину подставил. Вылезла лиса из ямы и ушла. Только ее и видели. А медведь так и подох в яме [См. Фея 1991. Цитируется по: Корейские]. На этом же сюжете построена туркменская сказка «Лица и коза», в которой глупого медведя заменяла глупая коза. Еще лиса уверяет козу, что в яме (колодце) очень прохладно, чем наружная жара.

Как отмечает тот же Вадим Пак, место волка – героя сказок других народов в корейских сказках часто занимает тигр. В этой «замене» в туркменских сказках участвовала также и лиса. Данную особенность можем наблюдать, сравнив туркменские и корейские сказки со сходными сюжетами, в том числе корейскую сказку «Неблагодарный тигр» с упомянутой уже туркменской сказкой «Лица и коза». В них рассказывается как тигр (лиса) при помощи путника (козы) выкарабкался наверх из ямы-ловушки (гуррук – старого безводного колодца). Далее в туркменской вариации оказавшую вместо лисицы в колодце козу освободили пастухи, слышавшие ее зов о помощи. Этим и заканчивается сказка [См. Тилки 1978: 101]. Сюжет в корейской вариации развивается далее при участии жабы следующим образом:

Тигр и выкарабкался наверх. Выбрался да как зарычит: - До чего же я голоден! Сейчас тебя съем! Обидно путнику, и говорит он тигру: - Это за мое-то добро? Ну и бессовестный же ты. А тигру хоть бы что. И в ус не дует. Тут откуда ни возьмись жаба. Пожаловался ей путник на тигра. А тигр - на голод. Говорит жаба: - Так сразу все не рассудить. Перво-наперво покажите мне яму-ловушку. Привели путник и

тигр жабу к яме. Говорит жаба тигру: - Полезай в яму, а я погляжу, как ты выбрался. Прыгнул тигр в яму и говорит жабе: - Вот гляди, на самом дне я сидел. А путник вытащил палку из ямы и опять жалуется: Это я палку принес, иначе тигру не выбратся. Улыбнулась жаба и говорит путнику: - Иди-ка ты, мил человек, своей дорогой. И помни: неблагодарным нельзя помогать. Сказала так, в яму глянула и крикнула тигру: - А тебе поделом! Будешь знать, как за добро злом платить! [См. Фейя 1991. Цитируется по: Корейские].

Здесь вырисовывается как раз тот случай, когда на основе двух линий одного общего сюжета происходило формирование двух отдельных произведений не только в пределах национального фольклора, но и в фольклорах родственных (правда, дальних) по языку народов, какими являются туркмены и корейцы. Сказители в последующем, исходя из состава слушателей и других обстоятельств, обогатили свой рассказ интересными деталями, многими другими новыми случаями из жизни животных и людей, даже заменили героев, персонажей, но при всем этом их первоначальная сущность оставалась неизменной и неизблемой. Об этом убеждает сравнение выше приведенной части текста корейской сказки со следующим текстом туркменской сказки «Добро и зло». В последнем в роли основного героя вместо жабы выступает семилетний мальчик, а вместе тигра – змея. Еще добавлена идея против хвастливости. По-видимому, сказка была записана именно тогда, когда сказитель рассказывал ее детям (с целью достижения наибольшей наглядности решили приводить сказочный текст полностью):

У молодых супругов родился сын. Рос он тихим, ласковым. Когда ему исполнилось семь лет, произошел такой случай. По соседству жил один человек, любивший хвастаться. «На свете нет умнее меня!» - часто повторял он. Как-то он рыл землю и наткнулся на сундук. Посмотрел туда-сюда, попробовал открыть - не поддается. «Наверное, золотой клад», - обрадовался хвастун. Он сбил замок и только приподнял крышку, как из сундука выскочила змея и обвилась вокруг шеи этого хвастуна. Шипя и показывая жало, она стала расти на глазах. - Змея, я освободил тебя, сделал доброе дело, - взмолился хвастун, - а ты на добро отвечаешь злом - хочешь задушить меня. - А меня всегда этому учили, - ответила змея человеческим голосом. Долго спорили они, кто прав из них, кто виноват, но так ни к чему и не пришли. В это время мимо проходил караван верблюдов. Спрашивает хвастун самого старого из них: - Скажи, верблюд, можно ли отвечать на добро злом? - Можно, - прошамкал верблюд. - Все впереди идущие верблюды - мои сыновья и внуки. Я их вырастил и воспитал. А теперь, когда я стал стар и еле-еле волочу ноги, они хотят бросить меня одного в пустыне. Разве это доброе дело? - Слышишь, - злорадно прошипела змея, плотнее обвивая шею хвастуна. - Подожди душить, - взмолился хвастун, - спросим еще у других. Пошли. На пути встретился большой высохший тутовник. Хвастун остановился и спросил: - Эй, дерево! Ты много прожило на свете и много повидало на своем веку. Скажи, можно ли отвечать злом на добро? - Можно, - прокрипел тутовник. - Много лет я давал густую тень для отдыха всему живому, сочную мою листву ел шелкопряд. Мой хозяин на коконах и шелке разбогател. А теперь он хочет спилить меня на дрова. Разве так нужно отплачивать за добро? - Слышишь, - снова зашипела змея и еще плотнее сжала шею. - Подожди, змея, подожди, - снова стал просить хвастун. - Еще у кого-нибудь спросим. Снова идут они. Попались им по дороге дети. Увидев на шее старика змею, они забыли про игру и разбежались кто куда. На месте остался только семилетний сын молодых супругов. Хвастун подошел к нему и спросил: - Скажи, мальчик, можно ли отвечать на добро злом? - Э, отец, - сказал малыш, - не надо спрашивать о зле и добре. Лучшие скажи, почему у тебя на шее змея? - Я копал землю, - начал хвастун, - и вырыл сундук. Мне показалось, что в нем

должен быть золотой клад. Открыл крышку, а оттуда выскочила змея и обвила мою шею. Теперь она не отпускает меня и хочет задушить за то, что я ее спас. - Ба, - удивился мальши, - ты, наверно, неправду говоришь. Разве может такая большая змея поместиться в сундуке? Это правда, мальчик, - стал уверять хвастун. - Она была в этом сундуке. - Эй, змея, - сказал мальши, - это правда, что ты такая большая могла поместиться в сундуке? - Да, помещалась, - прошипела змея. - Не может этого быть, - упрямо сказал мальши. - Не веришь, смотри, - прошипела змея и, соскользнув с шеи старика и выпустив воздух, легла в сундук, оставив голову снаружи. - Э, а голова-то не помещается! - усмехнулся мальши. - Еще как помещается, - прошипела змея, пряча голову. Мальчик в то же мгновение захлопнул крышку, запер сундук на замок и спросил у обрадовавшегося хвастуна: - Отец, ты сам прятал этот сундук туда, где его нашел? - Нет. - Если не прятал, то надо помнить пословицу: «Не бери того, чего сам не положил!» Теперь надо отнести сундук туда, где он был. Хвастун удивился рассудительности мальчика и от всей души благодарил его за свое спасение. Сундук он закопал на том месте, где нашел, и больше никогда в жизни не хвастался [Цитируется по: Туркменские].

Подобные картины наблюдаются не только при сравнении сказок о животных. М.А. Сакали в своей работе «Туркменский сказочный эпос», отмечая схожие сюжеты сказок у очень многих народов (но нет среди них корейских), в частности, пишет, что «есть в Туркменистане сказка “Рога падишаха Искандера”, в основе которой лежит греческий миф о царе Мидасе и его ослиных ушах. Может быть, этот миф был занесен сюда греками в IV в. до н.э.» [Сакали 1956: 8]. Это предположение ученого-сказковеда может быть оспорено, и возникновение данного сюжета можно продвинуть на более древние периоды (например, на общеалтайский период в истории развития туркменского и корейского языков) при ознакомлении с корейской сказкой «Король с лошадиными ушами». Вместе с тем, мы вслед за М.А. Сакали также допускаем возможность, что сюжет о правителя с длинными ушами (или рогами) «проникал на территории современного Туркменистана неоднократно и из разных источников» [Сакали 1956: 9]. Для иллюстрации сказанного приводим заключительную часть корейской сказки:

И вдруг - надо же такому случиться - стали у короля уши расти. Росли, росли и с лошадиные стали. Испугался король, каких только лекарств не пил, не помогло. И так старается уши скрыть, и эдак прячет, стыдно ему от людей, а уши длинные-предлинные, хлопают, что тут сделаешь? Засунул король уши под корону, ни днем ни ночью ее не снимает, не велел никого в опочивальню пускать. Никто не знал во дворце про уши - ни жены, ни слуги, ни придворные дамы. Только цирюльник. От него никак уши не спрячешь. Поселил король цирюльника в комнате рядом с королевской опочивальней, строго-настрого приказал на глаза никому не показываться. Сидит сиднем цирюльник в комнате, только и дел у него, что короля причесать. Как отшельник живет. Ни на солнышко поглядеть не может, ни с женой встретиться. Идет, бежит время. Состарился цирюльник, глаза не видят, руки не слушаются, сил совсем нет. Ни дать ни взять старая калоша. Призвал его к себе король и говорит: - Только скажи кому-нибудь, что у меня лошадиные уши, - не сносить тогда тебе головы. Пригрозил так король цирюльнику и прогнал его с глаз долой. Занемог цирюльник, чувствует, недолго ему на белом свете жить. И ничего-то ему не хочется перед смертью, только всем рассказать, что у короля лошадиные уши. “Скажу, - думает цирюльник, - и сразу полегчает, вся хворь из меня выйдет”. Подумал он так, а смерть уже рядом. И решил исполнить это свое последнее желание. Едва доплелся цирюльник до бамбуковой роши за буддийским храмом Торимса, недалеко от столицы, развязал пояс и как закричит: - У нашего

короля лошадиные уши, у короля лошадиные уши! Кричал он, кричал, надорвался и умер. Но, странное дело, с той поры, стоит пролететь ветерку по бамбуковой роце, там слышится голос: - У нашего короля лошадиные уши! У короля - лошадиные уши!.. Ветер послабее - голос по тише, ветер посильнее - голос по громче. Узнал об этом король, приказал роцу вырубить, с корнем вырвать бамбук. А на месте бамбука вырос густой кустарник. Зацвел. Подует ветерок, и слышно в кустарнике: - У нашего короля лошадиные уши! У короля - лошадиные уши! Посильнее ветер - голос по громче. Послабее ветер - голос по тише. Да такой тоненький, жалобный: - У нашего короля лошадиные уши! [См. Фей 1991. Цитируется по: Корейские].

Разрядка конфликта в туркменской сказке также происходит тогда, когда цирюльник после данной им клятвы о неразглашении никогда и никому тайны правителя (т.е. о двух рогах, выросшие на его голове), не смог на свободе долго молчать и говорил об этом на весь голос, нагнувшись на старый колодец (гуррук). Никого вокруг его не было. Со временем из колодца вырос камыш, используя которого молодой пастух смастерил дудку. При игре этой дудкой сама по себе звучала мелодия с сообщением о хранимой тайне падишаха Искандера. И он, Искандер, разумел, что вечно хранить тайну от народа невозможно.

Для сравнения ниже приводятся тексты еще двух сказок с идентичным основным сюжетом.

Умный старик (Туркменская сказка)

Жил да был один царь. В его стране не было стариков. Состарится человек, его или убьют, или прогонят в безжизненную пустыню. И никто не противился этому жестокому закону. У одного царского нукера тоже был старый отец. Сын любил его, но закон есть закон. Настала пора, взвалил нукер отца на спину и понёс в пустыню. Шёл, шёл, устал. Сел отдохнуть, вытер пот со лба и тут старик-отец рассмеялся. - Чему ты радуешься, отец? - удивился нукер. - Ведь я несу тебя в пустыню, чтобы оставить на голодную смерть. - Ах, сын мой, - ответил старик, - когда-то в молодости я тоже бросил отца в пустыне. Вот и мой черёд наступил. Говорят, не рой яму другому, сам в неё попадёшь. Только теперь я понял эту мудрость. - Дорогой мой отец! - воскликнул нукер. - Я не хочу твоей гибели. Лучше быть умным чужим умом теперь, чем прозреть в тот день, когда наступит пора расстаться с жизнью. Подождал нукер ночи, взвалил отца на спину, принёс домой и спрятал в сундуке. Так и жил старик в сундуке. Только глубокой ночью выходил он из укрытия: поесть и подышать воздухом. Однажды царь той страны собрал своих нукеров и велел готовиться в далёкий поход, искать живую воду. Видно, царь стареть стал. Не хотелось ему быть убитым или покинутым в пустыне. Ночью нукер рассказал отцу о царской прихоти. - Коли я оставлю дом, как же ты будешь жить без меня? - горевал нукер. - Вот что, - подумав, посоветовал старик, - если ты хочешь найти живую воду, возьми меня с собой. Старики мало могут, но много знают. - Где же я скрою тебя в походе? - спросил нукер. - Всё в том же сундуке! И вот что, сын мой, не забудь взять с собой ещё быка и высушенную рыбу. Они тебе сослужат службу. Не стал нукер задавать отцу лишних вопросов, а сделал всё по его совету. В пути царь увидел, что нукер везёт с собой большой сундук и гонит быка. - Зачем это тебе? - спросил удивлённый царь. - В этом походе я могу разбогатеть, - ответил нукер. - Сундук для будущих богатств, а бык - это живая еда. Если у нас кончатся запасы, мы его зарежем. - Не слишком ли ты далеко загадываешь? - усмехнулся царь. Но вот пришли они в большую пустыню. Кончилась вода. Нукеры царя стали гибнуть от жажды. И тогда ночью старик-отец сказал сыну: - Отпусти быка и ступай за ним. Когда бык начнёт бодать песок, значит он почуял воду. Покопай в том месте, и все мы будем спасены. Так и сделал нукер. И точно, стали копать там, где бык бодал песок, и нашли

воду. Поблагодарил царь нукера за спасение, и отправился караван дальше. Долго ли, коротко ли, кончилась пустыня. И сказал тогда старик сыну: - Скоро мы придём в страну тысячи источников. В молодости я слышал от одного чужестранца, что живая вода только в одном из этих источников. Люди станут пить где попало, а ты опускай свою рыбу в эти источники до тех пор, пока она не оживёт. Вот тогда и ты напейся воды и возьми с собой. И вправду, пришёл вскоре караван в страну тысячи источников. Люди разбрелись кто куда и стали пить и наполнять свои сосуды. А сын старика не торопился, он шёл от источника к источнику и опускал в каждый из них свою рыбу. И вдруг в одном мёртвая рыба встрепенулась, выскользнула из рук и уплыла. Нукер тотчас напился этой воды и наполнил свой кувшин. Воины царя, напившись сами, вспомнили о своём повелителе и понесли ему свои сосуды. Но от этой воды он так и не помолодел. Рассердился царь, ногами затопал: - Обманули меня звездочёты и чародеи. Но тут подошёл к нему сын старика. - Не гневайся, великий государь, а попробуй-ка лучше моей воды. Хоть и надоела царю вода, а отпил-таки глоток. Отпил и седина в бороду - как не бывало. Возликовал царь и, говорит нукеру: - Проси у меня что хочешь! Любое твоё желание исполню, но открой мне свою тайну. Упал нукер в ногу царю: - Государь, я открою тебе тайну, но простишь ли ты мне вину мою? - О, нукер мой! Ты спас меня от смерти и от старости и потому ты достоин прощения, какой бы не была твоя вина. - Тогда выслушай меня, государь, - и нукер начал свой рассказ. - Когда наступила пора, я, как и подобает людям нашего царства, понёс старика-отца в пустыню. А он засмеялся и сказал мне: «В молодости я тоже бросил отца в пустыню. Вот и мой черёд наступил». И тогда я подождал ночи, о государь мой, принёс отца домой и спрятал в сундуке. Вот он, этот сундук. В нём - мой отец. Это он указал мне способ отыскать среди тысячи источников источник живой воды. Удивился царь, задумался. Нукера он простил, отца его не тронул, а вернувшись домой, отменил старый жестокий закон [Цитируется по: Туркменские].

Как появились мыши и с каких пор перестали убивать стариков (Корейская сказка)

Прежде стариков, когда они достигали шестидесяти лет, убивали. Один сын очень любил своего отца и, когда ему минуло шестьдесят лет, спрятал его в подземелье, куда и носил ему пищу. Однажды на дворец богдыхана напали какие-то страшные звери, величиною с корову, серые, с узкими, длинными мордами, с длинными тонкими хвостами. Все потеряли голову и не знали, что делать. Тогда старик отец сказал: - Надо найти восьмифунтовую кошку. Нашли кошку в семь с половиной фунтов. - Кормите ее, - сказал старик, - пока она не вытянет восемь фунтов ровно. Когда кошка вытянула восемь фунтов, ее выпустили на зверей. И вот что случилось. Увидев ее, звери стали уменьшаться, пока не превратились в обыкновенных мышей, которых и ловят с тех пор обыкновенные кошки. Когда император узнал, кто выручил всех из беды, то разрешил с тех пор старикам жить столько, сколько они хотят. Так появились мыши на свете, виновники того, что стариков не убивают больше [См. Фейя 1991. Цитируется по: Корейские].

Признанный исследователь сказок, автор таких часто цитируемых книг, какими являются «Морфология сказки» (1926) и «Исторические корни волшебной сказки» (1946), В.Я. Пропп (1895 – 1970), рассматривая этносы, ещё не расставшиеся с тотемизмом (и не имеющие сказок как таковых), находящие в процессе его разложения и современные сказки «культурных» народов, приходит к выводу о единстве происхождения волшебной сказки [См.: Материалы Википедии – свободной энциклопедии в Интернете]. Мы со своей стороны, как результат проведенного выше анализа, можем добавить к этому выводу В.Я. Проппа то, что ряд сказок (например, о животных и другие) у таких «культурных» народов, какими являются туркмены и

корейцы, имеет единое происхождение, которое, скорее всего, является следствием далекого родства их языков. Но наш вывод никак не может относиться ко всем без исключения параллелям, присущим к туркменским и корейским сказкам, многие из которых могли формироваться постепенно по общим канонам развития жанра, а некоторые – в результате заимствования сюжетов через посредство отдельных языков в древности и более поздние эпохи. Возвращаясь в конце еще раз к вопросу о трансформации древних туркменских мифов к сказкам и другим видам современного устного фольклора, можем констатировать, что дальнейшие всесторонние исследования по этому направлению в сравнительном плане сулят в будущем новые научные выводы и обобщения, значимые не только для развития тюркологии, но и алтаистики в целом.

Литература

Корейские сказки. Цитируется по сайту в Интернете: <http://www.e-reading-lib.org/book.php?book=113531> (05.01.2013).

САКАЛИ М.А. Туркменский сказочный эпос. Ашхабад, 1956.

СОЕГОВ М. Калмыцко-туркменская лексическая общность: древнейший пласт или позднейшие заимствования? (В связи с 140-летием со дня рождения В.Л. Котвича и Г.И. Рамстетда – знаменитых алтаистов) // Вестник Калмыцкого университета, № 4 (16). Элиста, 2012. (I)

СОЕГОВ М. Об общности туркменского языка с тюркскими языками сибирского региона и ее глубинных социально-исторических корнях (Краткое сообщение) // Научное обозрение Саяно-Алтая, № 2 (4). Абакан, 2012. (II)

СОЕГОВ М. Памятник Бильге-кагану // Miras/Наследие, № 2. Ашхабад, 2007.

Тилки билен гечи // Туркмен халк эртекилери. 3 томлук. 1 том. Хайванлар хакындакы эртекилер. Ашгабат, 1978.

Туркменские сказки. Цитируется по сайту в Интернете: http://rskz.ru/turkmenskie_skazki/page/2.html (04.01.2013).

Феи с Алмазных гор: Корейские народные сказки. Переводы с корейского.

Составление и вступительная статья В. Пака. М., 1991.

Garynja we kepderi (Erteki) // Söýegow M., Rejebow N. Harplyk. 1-nji klas üçin. – Aşgabat, 1995.

SÖÝEGOV M. Gadymy döwürlerdäki türkmen-koreý dil gatnaşyklary // Türkmen dili, 11 iýun. Aşgabat, 2008 (I)

SÖÝEGOV M. Koreý we gadymy ýapon dilleri türkmen diliniň garyndaşymyka? // Türkmen dünýasi, iýul, No 14 (286). Aşgabat, 2008. (II)

SÖÝEGOV M. Türkmen Mitolojisi'nin Kahramanlarından Burkut Ata Üzerine İki Mitos Hikayesi ve Kaynağı // Tarih Türk Dünyası Kültür Dergisi Sayı: 252 Aralık. İstanbul, 2007.

Abstract

This work consists of three parts, the first of which presents and analyzes the text of individual Korean and Turkmen fairy tales to identify their inherent common themes. The second and third part of it devoted to a comparative study of the historical and linguistic material related to the carriers of the Kalmyk and Turkmen. In all three parts of the work has a single purpose - from the standpoint of the existing theory of the Altaic language family alleged cover new aspects and analyze some of the materials that are “distant” from each other Altaic languages, and not previously considered seriously, not only specialists altaists but as “anti-altaists” to confirm or deny the existing theory. This article consists of a first part of the reader to the nature of work.